

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-237-245

РАДИКАЛЬНЫЕ МАССОВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА И ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ

Э.Э. Шульц

Центр Политических и Социальных Технологий
ул. Филёвская Б., 55/1, Москва, Россия, 121433

Статья посвящена проблемам легитимности антиправительственных выступлений и новой власти, приходящей на волне радикальных массовых форм социального протеста, как с точки зрения легитимизации протеста, так и с точки зрения постоянного поиска легитимных оснований для новой власти. Затрагивается история формирования принципов легитимности власти в науке, а также переноса этих положений в поле радикальных массовых форм социального протеста, свержения власти и формирования новой. Автор рассматривает принцип эвгемеров и эвгемеризации, выдвинутых в психологии, как важные категории и для политической науки, особенно в сфере проблем легитимизации и обеспечивающей ее идеологии.

Ключевые слова: социальный протест, легитимизация протеста, легитимизация власти, эвгемер, эвгемеризация, легитимность и цветные революции

Представления о легитимности власти являются одним из важнейших компонентов стабильности политической системы. Однако кроме легитимности власти существует и легитимность протеста против власти, вплоть до ее свержения и замены. Цветные революции и события т.н. «арабской весны» с новым импульсом подняли проблемы как легитимности власти, так и легитимности протеста против этой власти и новой власти, пришедшей на протестной волне.

Проблема легитимности власти и ее дефицита в случае смены системы и правителей рассматривалась Н. Макиавелли, Т. Гоббсом, Д. Юмом, Ф. Гизо, М. Вебером [2. С. 636; 4. С. 66, 68—69; 5. С. 159; 9. С. 133; 12. С. 664]. Как отмечал один из основателей конфликтологии Льюис Козер, «легитимность — это важнейшая промежуточная переменная, без учета которой невозможно предсказать, выльются ли в реальный конфликт чувства враждебности, порожденные неравным распределением прав и привилегий» [8. С. 57].

Одним из первых обратил внимание на обеспечение легитимности Макиавелли. «Вообще, — писал итальянский мыслитель, — нельзя назвать ни одного учредителя чрезвычайных законов, который не ссылался бы на Бога, потому что в противном случае эти законы не были бы приняты народом» [9. С. 133]. Очевидность блага не является залогом успеха, так как «многие блага, представляющиеся таковыми благоразумному человеку, не столь очевидны, чтобы можно было убедить в этом других» [9. С. 133]. Макиавелли приводит яркий пример создания веры и, соответственно, легитимности: «Граждане Флоренции думают, что их

нельзя отнести к числу невежественных или диких, тем не менее, брат Джироламо Савонарола убедил их, что он беседовал с Богом. Я не стану обсуждать, правда то была или нет, потому что о таких людях должно говорить с уважением, скажу одно, что поверивших в это было бесконечное множество и для подкрепления веры ничего необыкновенного не потребовалось. Образ его жизни, учение и предмет, избранный им, обладали достаточной силой убеждения, чтобы они уверовали» [9. С. 134].

Томас Гоббс указывал на зависимость легитимности распоряжений (т.е. власти) от объема прав «приказывающего». Распоряжения законных правителей «делают все приказываемое ими справедливым, а запреты их, все запрещаемое ими — несправедливым» [5. С. 159]. Дэвид Юм высказал мысль, что время устраняет проблемы нелегитимности власти, захваченной силовым путем, оно «приучает народ уважать в качестве своих законных или прирожденных государей то семейство, членов которого он сначала считал узурпаторами или чужеземными завоевателями» [12. С. 664].

Эта идея получила развитие у Франсуа Гизо: «Политическая законность есть право, основанное на давности, продолжительности; первенство во времени признается источником права, доказательством законности власти» [4. С. 66]. Если не существует «давности», если что-то вводится впервые, то, по мнению Ф. Гизо, основанием «политической законности» служит «нравственная законность, справедливость, разумность, истина» [4. С. 68]. Установив новые «учреждения» и «идеи» таким образом, в дальнейшем они утверждаются временем и приобретают легитимность на основании уже указанных давности и продолжительности. Принципы эти, если следовать Гизо, не являются безупречными, так как «ложь» с помощью силы и времени тоже становится политически законной, однако «право и истина завоевывают себе место в цивилизации» [4. С. 69].

Томас Джефферсон оставил интересное замечание, что деятелям Американской революции не пришлось «рыться в устарелых документах, отыскивать королевские рукописи на пергаменте или заниматься исследованием законов и учреждений полуварварских предков», они «обратились к тому, что было дано природой, и нашли эти законы отпечатанными в своих сердцах» [7. С. 142]. Т.е. он рисует ситуацию, при которой не существовало освященных временем законов и принципов для нового государства, поэтому их пришлось соотносить только с собственными понятиями целесообразности. Спустя более чем два века мы наблюдаем, как эти положения приобрели силу «давности» и освященности — полной легитимности. В государствах, где на момент политического переворота в результате массового радикального протеста существование этого общества имело достаточно длительную историю и традиции, любые нововведения придется «узаконить» в массовом сознании либо привязкой к устоявшимся традициям и правилам, либо необходимостью «ломки старого» и создания принципиально нового (реальность этих традиций и новшеств не играет роли).

Главенствующую роль в легитимизации протеста, особенно в его радикальных и массовых формах, способных привести к смене власти, играет идеология, лежащая в основе этого протеста.

Идеологией ранних буржуазных революций — в Нидерландах и Англии — служил протестантизм. Именно религия обеспечивала легитимность свержения существующей власти и установление новой. Начиная с Французской революции эта легитимность обеспечивалась «естественным правом» человека на равноправие и свободу, правом на счастье (что заключалось в философских учениях, взятых в качестве идеологии — философия Просвещения, марксизм и т.д.).

Бунтовщики совершают запрещенные законом действия — бунт, но совершают его для утверждения «порядка» и во имя «справедливости». Эта дихотомия вызывает определенные проблемы для стабильности будущей власти. Исследователь революций Л. Эдвардс точно заметил, что революции являются незаконными, пока они не победили [13. Р. 108]. Как отметил Арно Майер, «революционные деятели прибегали к идеологии, чтобы придать законность и оправдывать действия и политику так же, как чтобы критиковать и признавать недействительными (лишать законной силы) своих противников» [15. Р. 9]. Предыдущий курс объявлялся неверным, выбирался новый, оппозиция становилась вне закона.

Проблема заключается в том, что успешные примеры давления «улицы» на правительство всегда ведут к новым попыткам, успешные перевороты и революции вдохновляют новые. Каждое новое правительство тут же ставит перевороты вне закона, объявляет мятежи недопустимой формой, а революции — злом.

Показательный пример — Английская революция 1640 г. и события 1688 г., получившие в английской историографии наименование «Славной революции»: попытка представить смену династии в 1688 г. настоящей революцией — правильной и бескровной — в противовес кровавым и безумным событиям 1640—60 гг. Так, «в сознании англичан переворот 1688 г. надолго был окружен ореолом, как наиболее светлый, лучезарный факт английской истории, и закрепил за собой имя „славной“ революции, которую было бы преступно сопоставлять с мрачными событиями недоброй памяти 40-х и 50-х годов» [11. С. 12]. «Долгое время 40-е и 50-е годы были вычеркнуты из официальных версий английской истории. Карл II вступил на престол сейчас же после мученической кончины своего отца. В правительственном издании парламентских статутов, появившемся в начале XIX в., вы не найдете актов гражданской войны, республики и протектората» [11. С. 5]. Реабилитация «великого мятежа» — революции 1640—60 гг. — произошла только в XIX в. [11. С. 5].

Это защитный рефлекс общества и нового правительства (т.е. всех правительств, ведущих свою «родословную» от тех, что получили власть благодаря революционным (или контрреволюционным) событиям) против смут, создание легитимности существующей власти и нелегитимности попыток борьбы с ней.

Легитимность — это вопрос массовой психологии, а не законодательных актов и точности их соблюдения, поэтому легитимность определяется не столько законностью, сколько представлением о законности и справедливости. О законности и справедливости здесь и сейчас, а не в абстрактных понятиях. «Таков закон социальной жизни: истинный авторитет власти создается сочетанием веры масс в то, что эта власть осуществляет идеи, соответствующие желаниям этих масс, и веры в то, что эта власть обладает реальной силой» [6. С. 228]. Население должно

верить, что это правительство приведет к решению насущных проблем, обладает достаточной силой, чтобы их решить и не допустить своего свержения.

Когда Макиавелли говорит о ссылках на Бога как высшую инстанцию в узаконивании новых положений, он указывает на проблемы легитимности и один из способов их решения. Здесь может идти речь об использовании высшего авторитета или о том, что Макс Вебер назвал авторитетом «„вечно вчерашнего“»: авторитет нравов у освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение...» [3. С. 646—647]. Этот авторитет Бога и Великих предков может сочетаться в фигурах вождей.

Здесь мы подходим к достаточно интересному феномену, который после выдвижения на понятийном уровне в психологии не получил серьезного дальнейшего развития в политической науке.

Американский психолог Эрик Берн предложил ввести термин «эвгемеризация» для обозначения феномена сакрализации лидеров.

«Этот процесс, в ходе которого древние короли и герои приобретают в общественном сознании мифические атрибуты и становятся подобными богам, впервые в западном мире рассмотрел греческий философ Эвгемер, хотя идея была известна и на Востоке. В честь него индивиды, прошедшие процесс эвгемеризации, могут быть названы эвгемерами» [1. С. 91].

«Каждая группа нуждается в героях и старается увековечить своих первичных лидеров после их смерти с помощью эвгемеризации», — справедливо замечает Берн [1. С. 101]. Таким образом, эвгемеризация — это мистические свойства, которые приписываются лидеру после смерти [1. С. 101]. «Эвгемер служит объединяющим началом для сил сплоченности группы и увеличивает эффективность группы, придавая авторитет канону» [1. С. 94].

«Эвгемер группы — это покойный, чей портрет скорее всего будет висеть на стене как в помещении для встреч, так и в домах членов группы. В случае с Буддой и католическими святыми таким зримым изображением героя служит не картина, а статуя. В религиях, в которых подобные изображения запрещены, их заменяют цитаты из эвгемеров, как, например, в случае Магомета или Моисея» [1. С. 94].

Берн говорит о таких Первичных лидерах, как Христос, Магомет, Будда или «великие короли прошлого» и др. Но таких же Первичных лидеров создает каждая революция, каждый крутой поворот в истории общества. Более того, в качестве эвгемеров начинают выступать не только великие предки, но и значимые для данного социума исторические персоны (которые со временем попадают в разряд «великих предков» — Карл I, Жанна Д'Арк, Вильям Уоллес, Иван Сусанин и др.).

Эвгемер — сакрализованный образ — выполняет множество психологических функций.

Функция «покровителя вождя»: у вождя есть образ, который в нем «переродился».

«Ученики Пифагора представляли его похожим на шамана Гермотима, позже в Сталине находили Ленина. Римляне сделали из этого механизма политическую

формулу. В каждом императоре воскресала личность основателя. Он и носил титул *redivivus*. Октавиан Ромул *redivivus* (воскресший, обновленный — Э.Ш.). С той поры эта практика не прекращалась. Когда советские люди объявляли: „Сталин — это сегодняшний Ленин“, они делали это под давлением все той же социальной и психологической необходимости. Все вожди поддерживают свою власть, взывая к имаго прошлого...» [10. С. 277].

В последние столетия этот процесс обычно представляется словосочетаниями «настоящий последователь», «Ученик», «Преемник». Ленин выступал учеником и последователем Маркса, Сталин — самым последовательным представителем «ленинской гвардии», все американские президенты — продолжателями дела отцов-основателей. В более частых жизненных примерах мы слышим сравнения лидеров с Цезарем, Наполеоном, Петром I, Бисмарком, Че Геварой, Ганди, де Голлем и др.

Эвгемеры играют большую роль в легитимизации: законность тех или иных действий определяется представлением об отношении к ним эвгемеров. Наиболее яркие примеры — это религиозные или национальные войны, когда происходит противостояние с иной религией, культурой, государством. Но подобный подход характерен и для гражданских войн, когда противостояние происходит на уровне одного народа или близких друг другу, одной религии, сходных или одной культуры. Причем происходят ссылки на одних и тех же эвгемеров в прямо противоположных случаях и одинаково со всех противостоящих сторон: отношение Христа к бедности и церковнослужению в борьбе католиков и протестантов, ссылки на Магомета и Коран в противостоянии сунитов и шиитов, высказывания «отцов-основателей» американской нации в войне Севера и Юга, ссылки на Маркса в борьбе социалистических партий в XX в. и др. Отсюда склонность даже в повседневной жизни употреблять во всех «воззваниях» и текстах идеологического характера ссылки на таких эвгемеров: богов, пророков, святых, значимых исторических деятелей, «классиков марксизма» и т.п.

Макс Вебер выдвигал три принципа формирования оснований легитимности: 1) авторитет «вечно вчерашнего» (авторитет, освященный Историей), 2) авторитет личного дара вождя (*Gnadengabe*, харизма), 3) господство в силу «легальности» (вера в обязательность легального установления и компетентности, обоснованной рационально созданными правилами) [3. С. 646—647]. Эвгемеры обеспечивают два из трех этих принципов.

Не менее значимую роль эвгемеры играют в мобилизации. Э. Берн подчеркивал, что особую роль эвгемеры начинают играть «во времена стресса» социума: «если кто-то опасно нападает на групповую структуру — снаружи или изнутри, так что обычными методами не удастся справиться с неприятностями, — призывают на помощь эвгемеров...» [1. С. 95]. Это находит подтверждение на протяжении всего исторического процесса. Во все времена беспорядков, больших войн народ собирается под знаменами религиозных либо исторических канонизированных фигур. Они играют объединяющую и вдохновляющую роль, а также служат в качестве примера. Что касается примера для подражания, то здесь языческие боги давали образец храбрости и стойкости в сражениях; пример христианских

святых призывает к терпению и полаганию на волю божью и т.д. Ленина представляли как образец стойкого, лишенного радостей жизни революционера, каким и должен быть настоящий советский человек. В годы Великой Отечественной войны образа революционеров стало мало и были возвращены другие исторические герои: Суворов, Кутузов, Ушаков, Петр I и др., начали даже вспоминать о победах над немцами царских генералов — напр., Брусиловский прорыв, — что шло вразрез с революционной риторикой 20-х и 30-х гг. в России, но было необходимо в новых политических реалиях.

Совершенное общество для многих участников Нидерландской, Английской и Американской революций было заложено принципами Библии — т.е. давало легитимность свержения действующей власти и новой власти, призванной начать это общество строить. Деятели Просвещения были уверены, что общественные идеалы, которые они проповедают, проистекают из общественного договора, первобытного коммунизма, здравого смысла и т.д. Исламская революция видела эти принципы в Коране, а ливийские революционеры считали, что социализм проистекает из Корана. Для легитимизации здесь пользуются религиозными или освященными историей эвгемерами.

Среди участников событий и исследователей нет сомнений, что «жасминовая революция» в Тунисе стала «спусковым крючком» всей «арабской весны», события, которые подстегнули выступления во всех арабских странах и которые выступили своеобразным шаблоном.

«Тунисская и Египетская революция — это не два разных восстания, это одна революция. Один мир, одна революция» [14. Р. xiii]. Эти слова тунисского министра по делам молодежи и спорта Слима Амамоу четко демонстрируют идеологический подход. Связь всех арабских событий, ориентир на братьев по вере стали легитимизационной основой для бунта в каждой следующей стране «арабской весны». При этом, естественно, обе стороны — и власть, и протестующие — ссылались на Коран и общепризнанные истины, первые, чтобы утихомирить протест, вторые — чтобы продолжить его и добиться от власти серьезных уступок или вообще ее сменить.

Переноса тематику легитимности радикальных массовых форм социального протеста, его направленности на изменение политики или смещения власти, легитимности новых правительств, пришедших на волне протеста, эвгемеров и легитимизации на современные события, хотелось бы заострить внимание на нескольких фактах и соображениях.

У всех «постцветных режимов» (как «революционных», так и тех, что их сменили) существовал (и существует) дефицит легитимности. Это проблема массовой психологии, которая связана, с одной стороны, с тем, что только признаваемая законной большинством населения власть сможет обеспечить мир и порядок, с другой — если переворот законен, то новая власть не застрахована от того, что так же не окажется свергнутой, поэтому ее задача — с первых же дней существования убеждать население в том, что она — единственно законная, свержение бывшей власти обосновано высшей справедливостью и всеобщим благом и должно стать единственным исключением, новые бунты и попытки переворотов будут являться противозаконными.

События 2014 г. в Киеве, во-первых, подорвали основы легитимности власти на Украине, вне зависимости от того, кто к этой власти придет, а во-вторых, ни одна группа у власти не будет иметь достаточной социальной поддержки. Выборы в такой ситуации не решают проблем дефицита легитимности и дефицита социальной поддержки.

Схожий принцип рассуждений привел большинство отечественных экспертов к выводам о высокой скоротечности новой власти на Украине. Однако прогнозы не оправдались. Проблема, на наш взгляд, здесь заключается в том, что не был серьезно учтен фактор «национализма» (в самом широком понимании, в том числе включающий проблемы самоидентификации, культурной самобытности, ущемленной гордости и т.д.). Этот фактор играет самую существенную роль в устойчивости действующего режима: 1) внешний враг, 2) признание собственной неправоты на индивидуальном и национальном уровне в случае протеста. Здесь потребуются время и законная смена власти, как случилось в истории с Оранжевой революцией и президентством Ющенко, которого избиратель провалил на следующих выборах.

Учитывая все высказанные заключения: 1) «национализм», 2) дефицит легитимности, 3) повторение истории с Ющенко, — становится понятным и эвгемеризация деятелей ОУН-УПА. Прежние эвгемеры не «работают» (или недостаточно работают) в связи с тем, что: а) связаны с пропагандируемым врагом в лице России и общей историей, от которой необходимо дистанцироваться; б) недостаточно отражают идеологическую потребность с точки зрения «национализма» (повторюсь: речь идет о широком контексте понятия). Новые эвгемеры лучше справляются с пунктами 1 и 3: «национализм» и предотвращение «истории Ющенко» — приход других персоналий к власти, допустим, но только в ходе выборов и только с сохранением политического вектора.

Проблема с выбранными эвгемерами заключается в том, что они создают препятствия для поиска потенциальных союзников на международной арене, так как вызывают стойкое неприятие. Ближайший исторический аналог с подобной изоляцией видится в примере СССР 20—40-х гг. XX в., где выдвигаемые революционные эвгемеры: Маркс, Энгельс, Ленин и др., — не могли быть приняты вне страны, и сама страна оказалась в изоляции. Однако у СССР оказалось достаточно ресурсов и возможностей для развития в состоянии изоляции, а затем и для ее преодоления, а вот в украинском случае такой вариант невозможен: здесь центром притяжения в обозримом будущем может быть либо Россия, либо ЕС, но ни к тем, ни к другим с новой идеологией не пойдешь. В связи с изложенным напрашиваются выводы, что выбранные эвгемеры для легитимизации дают краткосрочный эффект, но являются ошибочным выбором в среднесрочной и долгосрочной перспективе. «Национализм» (в широком понимании) и эвгемеризация деятелей ОУН-УПА дает сегодняшнюю легитимизацию и позволяет сохранять необходимую социальную поддержку сегодня, но обязательно сыграют эффект маятника, и выход окажется не столь простым и безболезненным для Украины, как в 2010 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берн Э. *Лидер и группа*. М.: ЭКСМО, 2009. 288 с.
2. Вебер М. *Основные социологические понятия* // Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 602—643.

3. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644—706.
4. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 336 с.
5. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 304 с.
6. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. В 2-х т. Т. 1. М.: Айрис-Пресс, 2011. 558 с.
7. Джефферсон Т. Письмо Д. Картрайту, 5 июня 1824 г. // Американские просветители. Избранные произведения в двух томах / Сост. Н.М. Гольдберг. Т. 2. М.: Мысль, 1969. С. 140—145.
8. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 208 с.
9. Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макьявелли Н. Государь. М.: АСТ, 2012. С. 93—462.
10. Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, КСП+, 1998. 395 с.
11. Савин А.Н. Лекции по истории английской революции. Изд. 2-е. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 388 с.
12. Юм Д. О первоначальном договоре // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 656—675.
13. Edwards L.P. The Natural History of Revolution. 2-nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 229 p.
14. Filii J.-P. The Arab Revolution. Ten Lessons from the Democratic Uprising. Oxford University Press, 2011. 195 p.
15. Mayer A.J. The Furies. Violence and Terror in the French and Russian Revolutions. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2000. 716 p.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-237-245

RADICAL MASS FORMS OF SOCIAL PROTEST AND LEGITIMACY PROBLEMS

E.E. Shults

Center for Political and Social Technologies
B. Filevskaya str., 55/1, 121433, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the problems of legitimacy of anti-government protests and the new power coming on a wave of radical mass forms of social protest both from the point of view of legitimization of a protest, and from the point of view of constant search of the legitimate bases for the new power. History of formation of the principles of legitimacy of the power in science, and also transfer of these principles to the field of radical mass forms of social protest, overthrow of the power and formation new is observed. The author considers the principle of the Euhemerus and an euhemerization which is put forward in psychology as important categories and for political science, especially in the sphere of problems of legitimization and the ideology providing it.

Key words: social protest, legitimization of a protest, legitimization of power, Euhemerus, euhemerization, legitimacy and color revolutions

REFERENCES

1. Bern ЕН. *Lider i grupa*. Moscow: ЕHKSMO; 2009. 288 p. (In Russ.).
2. Weber М. *Osnovnye sociologicheskie ponyatiya. Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress; 1990: 602—643. (In Russ.).

3. Weber M. Politika kak prizvanie i professiya. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress; 1990: 644—706. (In Russ.).
4. Gizo F. *Istoriya civilizacii v Evrope*. Moscow: Territoriya budushchego; 2007. 336 p. (In Russ.).
5. Gobbs T. *Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine*. Moscow: AST; Minsk: Harvest; 2001. 304 p. (In Russ.).
6. Golovin N.N. *Rossiyskaya kontrrevolyuciya v 1917—1918 gg. V 2-h t. T. 1*. Moscow: Ajris-Press; 2011. 558 p. (In Russ.).
7. Dzhefferson T. Pis'mo D. Kartrajtu, 5 iyunya 1824 g. *Amerikanske prosvetiteli. Izbrannye proizvedeniya v dvuh tomah*. Sost. N.M. Gol'dberg. T. 2. Moscow: Mysl'; 1969: 140—145. (In Russ.).
8. Kozer L. *Funkcii social'nogo konflikta*. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi; 2000. 208 p. (In Russ.).
9. Mak'yavelli N. Rassuzhdeniya o pervoj deкаде Tita Liviya. *Gosudar'*. Moscow: AST; 2012: 93—462. (In Russ.).
10. Moskovichi S. *Vek tolpa*. Moscow: Centr psihologii i psihoterapii, KSP+; 1998. 395 p. (In Russ.).
11. Savin A.N. *Lekcii po istorii anglijskoj revolyucii. Izd. 2-e*. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-ehkonomicheskoe izdatel'stvo; 1937. 388 p. (In Russ.).
12. YUm D. O pervonachal'nom dogovore. *Sochineniya v 2 t. T. 2*. Moscow: Mysl'; 1996: 656—675. (In Russ.).
13. Edwards L.P. *The Natural History of Revolution. 2-nd ed*. Chicago: University of Chicago Press; 1970. 229 p.
14. Filiu J.-P. *The Arab Revolution. Ten Lessons from the Democratic Uprising*. Oxford University Press; 2011. 195 p.
15. Mayer A.J. *The Furies. Violence and Terror in the French and Russian Revolutions*. N.J.: Princeton University Press; 2000. 716 p.

Сведения об авторе:

Шульц Эдуард Эдуардович — кандидат исторических наук, директор Центра политических и социальных технологий (e-mail: nuap1@yandex.ru).

Information about the author:

Shults Eduard Eduardovich — PhD, director of the Center for Political and Social Technologies (e-mail: nuap1@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 07.07.2017.

Received 07.07.2017.